

Екатерина Сергеевна Стрельникова родилась в п.г.т. Анна Воронежской области. Литературовед, поэт, литературный критик. Преподаватель филологического факультета Воронежского государственного университета. Публиковалась в журналах «Москва», «Подъём», «Мысли». Живет в Воронеже.

Екатерина Стрельникова

ВРЕМЯ ХРАНИТЬ ТЕПЛО

* * *

Капли рябинной крови,
бегство стрижей на юг.
Небо уже пустое, как внутренность барабана.
Осень по-милосердному не нападает вдруг —
Мягко идет из бездны волнами океана.

Я не боюсь рябую кривость ее ладоней,
И я спокойно выйду
в шаткий покой причала.
Осень течет навстречу и не своих не тронет,
Не окропит землей, не завершит начало.

Тело ее черно, как полевая пахота.
Даже три метра вниз —
остановиться сложно.
Только вода в носу, давит на лоб —
и бархатом
Пальцы чужих течений щекочут мою кожу.

Ниже пяти — холодно и ни к чему зрение.
Сколько потом будет нужно
воздушной жажды,
Чтобы очнуться против манкого притяжения,
Чтобы взмахнуть кистью,
чтобы взлететь однажды.

Там бирюза света, небо, для горла жгучее,
Сгустки медузок белых
ласково льнут к ладоням.

Безоглядностью тлеющей сажы,
Безобидностью старых могил.

К ним такие же тянутся нити —
Под землей, под которой — больной
Проживать несвершенность событий
И крушения кораблей.

* * *

Все наши коты умирать уходили в лес.
Сегодня — лежит под ногами живым носком,
А завтра — лучистый след навсегда исчез
Под тающим снегом, папиным сапогом.

Коты уходили неслышно, по темноте,
Без жалоб и взгляда в окна в последний раз.
А нам — маетой аукаться в пустоте,
Которая — словно обухом в ранний час.

Усато и гордо, без слабости — и без нас —
Коты не бежали смерти — но шли в нее,
В тот край, где хранится столько кошачьих глаз,
Булавками звезд обжигающих воронье.

И сколько котов каждую ночь уходят жить
В дождливость шуршащих пакетов из облаков...
Уходят спокойно — и так, чтобы не будить
Хранящих еду, запах шерсти, диванный кров.

Наверное, и приходит иначе смерть
К тому, кто ее уважит и — хвост трубой —
Пойдет по-кошачьи смело в нее гореть,
Возьмет, не согнувшись в страхе, ее покой.

* * *

Весна — время таять, а осень — хранить тепло,
Лелеять под курткой, вцеловывать дымом рта
В то небо, где грустно облачко проплыло, —
И в ту темноту, где только лишь темнота.

Пока догорает листва и пахнет гнилушкой двор,
Застынь у огня и следи за его огнем —
Сухим языком его, красным, как помидор,
Как мокрые веки, стертые кулаком.

Беспомощность сна и шуршащих озимых дней
Лежит на комках воробьев, часто ежится под крыльцом —
И просит гореть так отчаянно, чтобы ей
Вдруг стало не страшно взглянуть холодам в лицо.

Не зря мертвый дед наживую морозить рад,
И скипетр — посох — дубина его скрипит,
Когда по плечам бьет наотмашь и наугад
По тем, кто никак до пепла не прогорит.

* * *

Своей длинной рукой мироздание ткнуло в грудь
Онемелого человека из ткани глинной
И сказало: ты сможешь теперь вздохнуть —
Но ты будешь дышать до конца своей жизни длинной.

Посмотри — за спиной прогорает вчера и завтра,
Где твой высохший рот заметет пеленой песчаной.
Ты останешься жить — но стремиться всегда обратно
В состояние пыли, земли, первородной лавы.

Чтобы жил человек — ему мало раздвинуть криком
Лоскутки одеялец, парусами вобравших ветер,
Приступивших к огромной смене без передыха
В миллионности дней — как единого дня на свете.

Небеса, и вселенная, и хитроумный бог
Не покажут, зачем вынимать себя вон из кожи, —
И не станут плечом, что не вытолкнет за порог, —
И никем, кто простит, пожалеет или поможет.

Человеку приснится ночью тепло руки —
Человеческой. По лицу, волосам погладит —
Человек прикоснется к запястью ее и
Станет жизнью — уже другой, что на всех хватит.

* * *

Не прожиты сумерки, и города,
И плеч вековая усталость:
Под ложечкой неба пронзает звезда
Свою световую старость.

Наверное, я увлекалась тоской
И слишком людьми дорожила —
Хотела разбиться сиреной морской
О чьи-то железные жилы.

А венами этими — лишь провода
С пылающим их кровотоком
Бегут вдоль дорог неизвестно куда
В дрожании их одиноком.

Такая же тянется скудная нить
От туго смотавшего горло
Желания как-то небожно пожить
Вдали от зияний черных.

И тянется в звезды — но будто от них
Под тяжестью всех притяжений,
Под грубостью силы ладоней моих,
Под скрытостью всех сожалений.

Светлеет ковыльное поле небес,
Стрижами поет и воркует.
Как быть, если места для новых чудес
Под ребрами не существует.

* * *

Весны я не помню. Она уходит,
Разлитая в шуме грозы и свете
Сгорающих спичек в небесном своде,
Холодного мая в закатной меди.

И будто бы сверху глядят не строго,
И будто бы ночь не утопит в звездах.
Смотреть завитками зрачков Ван Гога,
Надеюсь, еще никому не поздно.

У ног косолапых сырых подъездов
Лежит не земля бороненной гривой,
Прорытая вплоть до мослов небесных,
Омытая волей и страшной силой.

Она — только впадина, мглистость моря,
Такая же ночь, что глотает смыслы...
Уходит весна и озоном смоем
Дыхание дыма, наивность листьев.

Два дня не шумело в небесной пашне.
Два дня мне не страшно коснуться глазом
Летающего ворона — к длинной башне —
И слов, рикошетных — во всех разом.

Я щурилась снегу в ответ на искры —
Теперь заберите весну такую,
Которая вся — темнота и тризна,
Плохая петля, разрывная пуля.

Идет полутемень белесой ночи,
И холод Невы омывает ноги.
Он трезв, он устал, он спокоен очень.
В нем виден исход для любой дороги.